

**ЯЗЫК КАК «ТЕЛЕСНЫЙ ЖЕСТ» И «ИНТЕКСТУАЦИЯ ТЕЛА»
(М. МЕРЛО-ПОНТИ, М. ДЕ СЕРТО)**

Е.И. Жук

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
zhuke93@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается базовое для феноменологической концепции языка представление о востелесненности экзистенции. Человек понимается как востелесненное сознание, и все способы обращения с миром – в том числе, язык – вырастают на базе телесности. М. Мерло-Понти называет язык телесным жестом, размещая его на пересечении природного и культурного миров, что подчеркивает направленность языка к Другому. Связь феноменов языка и интерсубъективности прослеживается далее в концепте, предложенном М. де Серто – «интекстуация тела».

Ключевые слова: язык; телесный жест; интекстуация тела; востелесненность сознания; естественная установка; интерсубъективность; феноменология языка.

**LANGUAGE AS «BODILY GESTURE» AND «INTEXTUATION
OF THE BODY» (M. MERLEAU-PONTY, M. DE CERTEAU)**

K. Zhuk

Belarusian State University
Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Summary. The article deals with the basic for phenomenology of language notion of embodied existence. Human being is seen as embodied consciousness, and all the ways of dealing with the world, including language, are rooted in embodiment. Merleau-Ponty defines language as bodily gesture, situating it in the intertwining of natural and cultural worlds and emphasizing its focus on the Other. Further, the correlation of phenomena of language and intersubjectivity is analysed within Certeau's concept of «intextuation of the body».

Keywords: language; bodily gesture; intextuation of the body; embodied consciousness; «natürlichen Weltbegriff»; intersubjectivity; phenomenology of language.

Принадлежность феноменологии к традиции неклассической философии, фундирующая убежденность в сознательной и телесной расположенности человека в мире, дает повод рассуждать о языке как укорененном не только в мышлении, но и в теле. Человек понимается в данной традиции как единство тела и мышления, то есть, как подлинно живой человек, а не конституирующее сознание. Делается предположение о том, что всякая человеческая способность, в том числе языковая, закреплена в нас не только через сознательную, но и через телесную активность. Ни тело, ни мышление человека не могут существовать отдельно: тело всегда есть тело мыслящее, а мышление – всегда востелесненное. Французский феноменолог М. Мерло-Понти не только скрупулезно и подробно разрабатывает проблематику телесности, ставшую своего рода одной

из «визитных карточек» феноменологии, но и наиболее полно и последовательно изучает ее связь с языком. Если М. Мерло-Понти подробно демонстрирует, каким образом, фактически, языковая способность «вырастает» из телесности, М. де Серто, в свою очередь, выдвигает идею о своеобразном стремлении тела «врасти» в язык. Тем самым он показывает, как экзистенция может быть метафорически проанализирована в терминах языкового пространства. М. Мерло-Понти не принимает позицию философии конституирующего сознания, заявляя о неустранимом присутствии мира до анализа и углубляясь в исследования человеческого тела. М. Мерло-Понти настаивает на принятии в рамках феноменологического исследования естественной установки сознания, согласно которой «мир всегда «уже тут», до рефлексии, как некое неустранимое присутствие» [1, с. 5]. Точно так же и вотелесненность сознания является очевидностью для естественной установки, поскольку человек обнаруживает свое постоянное присутствие в теле и не ставит под вопрос существование в мире в границах телесности. Именно таким, преодолевающим философию конституирующего сознания, возведшую разум в ранг квинтэссенции человеческой сущности, полагает М. Мерло-Понти проект философии, претендующей на звание «строгой науки». Он пишет: «феноменология – это также философия, которая помещает сущности в экзистенцию и полагает, что человек и мир могут быть поняты лишь исходя из их «фактичности»» [1, с. 5]. М. Мерло-Понти наследует и Э. Гуссерлю, и М. Хайдеггеру в развертывании собственного понимания феноменологии. Отвергнув монологизирующий пафос философии конституирующего сознания, он углубляется в исследования восприятия, языка, Другого – и основывает их на проработке проблематики телесности.

Б. Вальденфельс, немецкий феноменолог, ученик и исследователь творчества М. Мерло-Понти отмечает: «Пристрастие Мерло-Понти к проблематике тела не приравнивается ни к самовлюбленности «Я», ни к гегелевской «нежности к вещам, [...] которая озабочена исключительно тем, чтобы вещи не противоречили друг другу» [2, с. 383]. Б. Вальденфельс подчеркивает, что М. Мерло-Понти продуцирует новый подход к проблематике телесности, стремясь придать философское выражение естественной установке сознания. В определенном смысле, это задача противоположна декартовскому принципу радикального сомнения, когда не только существование тела, но существование самого Я ставится под вопрос. Как бы то ни было, задача М. Мерло-Понти, разворачивающего базовый философский принцип на 180 градусов, в сторону естественной установки сознания, не является проще. Она включает в себя необходимость отразить негативные последствия доминирования философии конституирующего сознания (условность фигуры Другого, забвение проблематики языка, тела и т.д., вера в безусловный авторитет разума), вывести на поверхность периферийные темы, наполнив философский язык новыми терминами, «изъятыми» из практики обыденного употребления языка. Такое специальное обращение к обыденному языку как к ресурсу для философского словаря, а также как к одному из объектов феноменологического исследования, обусловлено именно тем, что естественная установка сознания взята за «отправную точку» феноме-

нологии. Исследуются те феномены и практики, которые соприсутствуют всякому человеческому опыту (в том числе, когнитивному), а значит философ одновременно и «пробирается» к сути человеческого существования в мире, и ощущает неспособность к артикуляции полноты экзистенции. Человек не способен стать в позицию автономного субъекта по отношению к объективированной экзистенции (как подразумевала философия конституирующего сознания), поскольку философское созерцание остается погруженным в конкретное телесно-сознательное присутствие. Б. Вальденфельс кратко отражает данный аспект феноменологического исследования – «Тело – это не нечто, на что мы можем указать пальцем, так как оно само и является этим указанием» [2, с. 383], – демонстрируя и корень проблемы философского обращения к проблематике тела, и саму суть феноменологической артикуляции естественной установки сознания. М. Мерло-Понти подчеркивает, что человек с самого рождения погружен в мир как телесно-сознательное присутствие, и всякий человеческий опыт есть опыт обращения с миром, осуществляемый изнутри единства тела и сознания. Именно поэтому телесность становится ключевой темой для М. Мерло-Понти, на базе которой он разворачивает исследование значимых феноменов человеческого существования. И языковая проблематика, с течением времени занимающая все более значимые позиции в текстах М. Мерло-Понти, вырастает на базе исследований телесности – такой подход к языку является, в определенной степени, феноменологическим открытием и позволяет, освободив язык от «диктата» монологичного конституирующего сознания, раскрыть феномен языка как подлинное основание интересубъективности.

М. Мерло-Понти определяет языка как «телесный жест», что дает возможность развивать на базе языковой проблематики как линию как субъективности, так и интересубъективности. Соприкасаясь с герменевтической традицией, М. Мерло-Понти утверждает, что человек рождается в природный и культурный миры, и все способы его обращения с миром являются естественными и культурно обусловленными одновременно. Он пишет: «Если, размышляя над сущностью субъективности, я нахожу, что она связана с сущностью тела и сущностью мира, это значит, что мое существование в качестве субъективности составляет единое целое с моим существованием в виде тела и с существованием мира и что, в конце концов, субъект, каковым я являюсь, если взять его конкретно, неотделим от этого самого тела и этого самого мира» [1, с. 518]. Язык как телесный жест есть один из способы употребления тела, осуществление интенции означивания по отношению к миру. Обращение к слову, по М. Мерло-Понти, так же естественно, как произвольное движение руки. Оно доступно и понятно Другому как способ обращения с миром. В то же время, множество словесных жестов надстраивает мир культурный над миром природным. И человек, рождаясь в мир, испытывает на себе влияние культурно-географического аспекта на видоизменение природно обусловленных телесных жестов. Избавив проблематику телесности от оков философии конституирующего сознания, М. Мерло-Понти стремится избавить феномен языка от традиционной присущей ему вторичной роли. Помещение языка в разряд жеста у М. Мерло-Понти

должно быть понято не как некое нивелирование фундаментальности или исключительности языковой способности в конституировании экзистенции. Скорее, такой шаг может рассматриваться как довольно оригинальный способ «вывода» языка из плена конвенционалистских трактовок, которые так прочно вошли в философский дискурс времен конституирующего сознания, что были унаследованы значимыми ответвлениями неклассической философии. Он пишет: «конвенции являются поздней формой отношения между людьми, они предполагают предварительное общение, и нужно вернуть язык в это коммуникативное русло» [1, с. 244]. М. Мерло-Понти настаивает на изначальности двойственности, которая характеризует как конкретное человеческое существование, так и присущие ему феномены: язык, как всякий телесный жест, погружен в переплетение природного и культурного. Он также фундирует как человеческую субъективность, так и пространство интерсубъективности.

Любопытную иллюстрацию неразрывной связи языка и телесности проводит М. де Серто, который, признавая укорененность языковой способности в сознательно-телесном существовании я, поворачивает вектор рассмотрения, в том числе, в обратном направлении. Он пишет о стремлении каждого человека «вернуться» в сферу языка, называя такой импульс стремлением к «интекстуации тела». Образно описывая принципиальную незавершенность проявлений востелесненного существования, которое стремится обрести целостность хотя бы в слове Другого, он пишет: «От этой непроницаемой и рассредоточенной плоти, этой выходящей за любые границы беспокойной жизни перейти наконец к прозрачности слова, стать частью языка, именем, которое могут читать и цитировать другие» [3, с. 260]. В русском переводе латинообразный термин М. де Серто сочли нужным перевести словосочетанием, характерным для русской речи: «превращение тела в язык», однако, учитывая содержательность феноменологического различения языка и речи, представляется более продуктивным оставить оригинальный термин «интекстуация тела». М. де Серто подчеркивает, используя языковые термины для анализа экзистенции, что я желает быть «прочитанным и процитированным Другим». Т.е. в подобной иллюстрации вычленяется именно направленность человеческого я к Другому, характерная для феноменологической традиции, и здесь вычленение этой направленности принимает метафорическую форму, очень наглядно очерчивающую свой смысл: человек понимается как текст. Важно подчеркнуть словесную форму, в которую обернул свою идею М. де Серто (который сам выверил перевод текста на английский): понятие «язык» не дает того мгновенного схватывания отсылки к Другому, что есть в понятии «текст». Текст есть высказывание, всегда индивидуальное, исходящее из места-в-бытии, и всегда адресованное Другому – жаждущее ответного понимания. Так, очень образно и наглядно, М. де Серто еще раз иллюстрирует фундаментальное переплетение «я-Другой-мир», обращаясь к двум базовым характеристикам человеческой экзистенции – востелесненности и языковой способности. Таким образом, М. де Серто, как и М. Мерло-Понти, отказывается от традиционного для классической философии приоритета разу-

ма по отношению к телу и от вторичности роли языка, демонстрируя основополагающую связь феномена языка с пространством интерсубъективности.

Как подчеркивает Дж. Мюррей, М. де Серто также стремится освободить язык от позитивистских трактовок, которые характеризуются весьма инструменталистским подходом к языку, наследуя, во многом, традициям философии конституирующего сознания. Он пишет: «Отделение «субъекта от объекта» приводит проект Просвещения к использованию языка в качестве первичного инструмента в объективации опыта. Соответственно [...] язык сам кажется объективированной сущностью. Появляется также искушение рассматривать язык как сумму символов» [4, с. 24]. Мюррей подчеркивает, что М. де Серто противится такому упрощенному пониманию языка: «Это, однако, позитивистское понимание дискурсивного языка, или, как пишет Серто, «искусственного языка», заставляет нас верить, что мы способны отделить себя от жизни и от языка, или же что чистая рациональность способна преодолеть все. Серто затратил немало времени на опровержение подобного понимания, прослеживая его истоки в эпохе Просвещения» [4, с. 25]. М. де Серто отказывается от инструменталистского понимания языка, демонстрируя, что любое проявление экзистенции вне языка невозможно и что язык есть намного более многослойный феномен, нежели сумма символов или простой инструментарий мышления.

Для феноменологической концепции языка представление о вотелесности экзистенции является базовым: человек существует исключительно как телесно-сознательное присутствие, поэтому все фундаментальные характеристики существования, все способы обращения с миром вырастают на почве телесности. М. Мерло-Понти, знаменитый детальным исследованием феномена телесности, называет язык жестом, размещая его в рамках телесности, и, одновременно с этим, демонстрируя переплетение культурного и природного в человеке. Это является значимым шагом в высвобождении феномена языка из пут конвенционалистских трактовок. Жест, в том числе языковой, должен и может быть понят; как сам человек, он существует в принципиальной направленности к Другому. М. де Серто, обращаясь к проблеме тела, в свою очередь демонстрирует фундаментальность языковой способности в выстраивании проблематики интерсубъективности. Говоря о стремлении каждого человека к интекстуации своего тела, М. де Серто демонстрирует, как специфика экзистенции может быть продемонстрирована в терминах языковой сферы: человек как текст, как высказывание всегда, всем своим поступанием, адресуется Другому и стремится найти ответное понимание.

Библиографические ссылки

1. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, Наука, 1999. 605 с.
2. Мерло-Понти, М. Видимое и невидимое Минск : Логвинов, 2006. 400 с.
3. Вальденфельс, Б. Ключевая роль тела в феноменологии М. Мерло-Понти. Минск : Логвинов, 2006. С. 379-399.
4. Murray J. Michel de Certeau's Language Theory // Journ. of College Writing. 2003. №6.1. P.19-32.